

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Дмитрия Андреевича Цыганкова
«Формирование сообщества профессиональных историков в
Московском университете во второй половине XVIII – начале XX века»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических
наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история**

Диссертация Д. А. Цыганкова является научно-квалификационной работой, в которой успешно решена имеющая важное социально-культурное значение научная проблема раскрытия механизма складывания, развития и упадка малого социального сообщества, каковым в исследовании является школа историков Московского университета. Актуальность диссертационного исследования обусловлена возросшим в последние десятилетия интересом российских и зарубежных историков к схолярной проблематике в рамках изучения формирования и развития научных сообществ. Такой тренд задается, с одной стороны, завершением антропологического поворота в исторических исследованиях по науковедению, приведшего к акцентированию внимания историков на межличностных коммуникациях ученых в процессе выработки и распространения нового знания. С другой стороны, он усиливается вследствие влияния социальной истории науки, новой интеллектуальной истории и истории повседневности, интенсивно развивающихся в последнее время. При этом учитываются особенности эндогенных (внутренних, связанных с потребностями развития сообщества) и экзогенных (внешних, выражающих влияние на него более широких социальных образований, которыми в данном случае могут представляться университет, учебный округ, министерство народного просвещения) влияний на ее становление и изменение.

Успех исследования Д. А. Цыганкова обусловлен четким определением его объекта, предмета, хронологических и территориальных рамок. В соответствии с ними сформирован понятийный аппарат изучения материалов, собранных в ходе работы над диссертацией. Отличительной чертой теоретико-методологического подхода к изучаемому предмету является его вынесение

за рамки историографии как самостоятельной специальной дисциплины и помещение в ткань социальных отношений, формируемых научными сообществами в период институтализации и профессионализации истории в Российской империи. Поэтому в качестве системообразующих в процессе формирования научной школы московских историков рассматриваются вертикальные и горизонтальные коммуникации между ее участниками в динамике межпоколенческих связей и разрывов в результате конфликтов. В итоге ведущим методом исследования в диссертации вполне логично становится системно-структурный в сочетании с признанием положения М. Полани о значении «неявного знания», влияющего на формирование аксиологических установок начинающих исследователей. Вполне естественным в данном отношении могло бы стать применение понятия «габитуса», разработанного именно на материале академических сообществ французским социологом П. Бурдьё. Однако даже охарактеризованная диссертантом система понятий позволяет ему сосредоточить внимание не на традиционном соотнесении «школы московских историков» с другими школами, течениями и направлениями, а показать на конкретном историческом материале как формируется и трансформируется малая социальная группа, состоящая из учителей и учеников, обеспечивавшая преемство и в то же время изменение в становящемся определяющим в университетском историческом образовании процессе подготовки историков-профессионалов. Переход из одного состояния в другое представляется в постструктуралистской перспективе, при которой улавливается «поломка структур» в ходе конфликтов между представителями разных поколений школы. В комплексной реконструкции этого процесса автор справедливо видит новизну своего исследования, которое можно охарактеризовать как принадлежащее к новому направлению исторических исследований – «микроистории».

Новизна результатов исследования подчеркивается также представленным в диссертации историографическим обзором изучения ее проблематики, обобщенные оценки которого даны в начале работы, а затем детализируются

при изучении жизни и деятельности отдельных представителей научной школы (Т. 1, с. 52–69, 157–165, 294–299, т. 2, с. 90–97, 223–234 и др.). Это свидетельствует об отличной осведомленности Д. А. Цыганкова в историографии проблемы. Особо следует отметить его обращение к работам на иностранных языках зарубежных исследователей.

Обоснованность и достоверность выдвигаемых в диссертации положений обеспечивается обширной источниковой базой исследования. Оценивая ее в целом, хочу отметить ее полноту и репрезентативность. Она сформирована Д. А. Цыганковым с учетом как социально-культурной, так и гносеологической функций изученных источников, относящихся к исследуемой проблематике. Тем самым исследователь учитывает их место и значение в изучаемой прошлой реальности, а также их роль в познавательном процессе, нацеленном на выявление не только внешних условий складывания и развития научной школы, но и идейного содержания концептуальных построений ее представителей относительно их педагогической деятельности, а главное – многообразных по форме коммуникативных взаимодействий, трансформировавшихся на протяжении рассматриваемого периода. Предлагаемая классификация источников представляется вполне логичной, соответствующей характеру изучаемого исторического явления. Прежде всего исследователь учитывает специфику и значение документов, внешне регламентировавших деятельность (как организованную, так и индивидуальную) не только лидеров и участников научной школы, сложившейся в стенах Московского университета, но и всех тех, с кем они тем или иным образом взаимодействовали (попечители учебного округа, чиновники и руководители Министерства народного просвещения). Эта группа источников – законодательство и нормативные документы. Особо следует отметить широкое введение в научный оборот Д. А. Цыганковым материалов официального делопроизводства канцелярии попечителя, университетского Совета и Правления, а также протоколов заседаний историко-филологического факультета и сопутствующих им материалов. Если первые позволяют проследить карьерные траектории

участников школообразующего процесса, то вторые дают основание для реконструкции тех норм взаимоотношений между ними, которые закреплялись в виде привычных практик или университетских обычаев. Вместе с тем он обращается к документам, обеспечивавшим их коммуникацию, с одной стороны, приватно между собой, а с другой – публично в процессе преподавания или обращения к заинтересованной общественности. Здесь исследователем справедливо выделяется, во-первых, межличностное, персонифицированное общение с единомышленниками в письмах, а также документы, зафиксировавшие саморефлексию в момент их создания (дневники) или саморепрезентацию, к тому же конструирующую образы коллег и всего сообщества *post factum* (мемуары). В совокупности это – эго-документы, которые исследователь обозначает в традиционном ключе, как документы личного происхождения. Следует отметить в качестве заслуги Д. А. Цыганкова его публикации, сделавшие доступными для коллег письма учеников В. И. Герье, его воспоминания, а также дневники М. С. Корелина (в общей сложности около 1000 страниц)¹. Во-вторых, при рассмотрении литографий лекций он учитывает то обстоятельство, что они являлись публичными по своей направленности и в то же время индивидуальными по содержанию и форме выражения, что особенно отчетливо проявлялось в лекционной практике лидеров школы. Это очень точно подмечается исследователем при характеристике их ораторского искусства, что позволяет ему усилить аргументированность утверждений о значении этой формы коммуникации в процессе формирования интереса к российской или всеобщей истории у неопитов, вступивших в стены Московского университета (Т. 1, с. 173–176, 261–265, 321–329, т. 2, с. 111–119, 265–280 и др.). В меньшей степени задействована еще одна группа источников – журнальные публикации. Если при освещении ранних этапов становления сообщества уделяется внимание, скажем, «Вестнику Европы»

¹ См.: Цыганков Д. А. Профессор В. И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 110–502; Terra Еигора: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / под общ. ред. Д. А. Цыганкова. М., 2014. С. 177–671.

М. Т. Каченовского или «Москвитянину» М. П. Погодина, то какова роль, например, «Журнала Министерства народного просвещения» в формировании научного отношения к истории – систематически не раскрывается², хотя и упоминается, что на его страницах частями публиковались диссертации. В этой связи хотелось бы обратить внимание диссертанта на такой жанр журнальных публикаций ученых как рецензия, который является важным социоморфным средством, утверждающим нормы исследовательского мастерства и научной этики³.

Структура диссертации Д. А. Цыганкова позволяет последовательно и логично представить результаты его исследования. Она состоит из трех томов, каждый из которых обобщает наблюдения об особенностях отдельных периодов в складывании и изменении сообщества историков Московского университета. Очевидно, можно было бы объединить содержание введения и первой главы первого тома, в которых представлены основные элементы постановки проблемы и определения путей ее эффективного решения, обязательные для любой квалификационной работы.

В первом томе внимание исследователя сосредоточено на процессе институализации исторического образования в рамках Московского университета. Этот процесс обоснованно рассматривается им как становление университетских институций, происходившее в результате трансфера иностранных образцов и приспособления их к отечественным реалиям. В сочетании с биографиями тех иностранных, а затем и отечественных профессоров, которые читали лекции по истории, процесс институализации представляется Д. А. Цыганковым не как схема, а как многообразное явление. Правда, отличительные черты первого поколения профессоров-историков можно легко увидеть и у представителей последующих поколений, что затушевывает ка-

² Ср.: Bérélowich W. History in Russia Comes of Age Institution-Building, Cosmopolitanism, and Theoretical Debates among Historians in Late Imperial Russia // *Kritika: Explorations in Russian and European History*. 2008 (new Series). Vol. 9. No. 1. P. 113–134.

³ См.: Климов И. «Сырое и приготовленное», или К апологии рецензий // *Социальная реальность*. 2008. № 1. С. 111–116.

чественные различия между ними. Справедливо подчеркивая включенность по университетскому уставу 1804 г. истории в более широкий круг дисциплин, связывающих ее с географией и статистикой, понимаемой в то время как наука о государственном устройстве, Д. А. Цыганков убедительно показывает ту роль, которую сыграл М. Т. Каченовский в обособлении истории в самостоятельную дисциплину. Эта линия была закреплена в новом университетском уставе 1835 г. в выделении двух исторических кафедр – российской и всеобщей истории. Говоря о значении М. Т. Каченовского для формирования коммеморативной традиции московских историков, очевидно, можно уточнить наблюдения автора: этот историк-«скептик» остался больше в «коммуникативной памяти» (если использовать терминологию Я. Ассмана), тогда как попытка С. М. Соловьева сформировать «культурную память» о нем не получила поддержки коллег.

Опираясь на новейшие исследования о роли попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова, диссертант с учетом ее представляет завершение процесса институализации исторического образования в университете. Вместе с тем Д. А. Цыганков обосновывает новое понимание взаимоотношений в среде историков – М. П. Погодина, Т. Н. Грановского, П. Н. Кудрявцева и С. М. Соловьева. В отличие от характерного для историографических исследований противопоставления патриотов-«охранителей» и либералов-«западников», Д. А. Цыганков обоснованно характеризует их как смену поколений историков, приведшую к утверждению иных идеалов преподавания той дисциплины, которая была областью их специализации. Показательно, что М. П. Погодин, справедливо отнесенный автором к «старшему», уходящему поколению, так и не смог выступить «арбитражным судьей» во время конфликта 1866 г. (известно как «восстание профессоров»), когда он претендовал на роль носителя этоса университетского сообщества. Опираясь на положения американского историка Т. Сандерса о «третьем оппоненте» при защите диссертаций и челябинской исследовательницы Н. Н. Алеврас о «диссертационной культуре», Д. А. Цыганков убедительно

раскрывает роль публичных диспутов и их значение для формирования профессионального этоса московских историков.

Во втором томе диссертации анализируется завершение процесса формирования системы исторического образования в Московском университете, результатом чего стало оформление школы московских историков. Автор представляет исчерпывающую характеристику организационных мероприятий, выработка которых осуществлялась во взаимодействии министерства народного просвещения и университетских профессоров. В соответствии с требованиями микроисторического подхода он смещает акцент с противоречий между профессурой и министерской бюрократией на противостояние, которое было характерно для взаимоотношений между историками и филологами в рамках единого факультета, когда им приходилось вести борьбу за усиление собственного статуса и за штатные ставки. Особое внимание при характеристике системы подготовки историков-профессионалов диссертант уделяет введению семинарской формы занятий, которая становится своеобразным маркером завершения процесса утверждения «классической модели» университетского образования, предполагающей единство обучения и исследования.

Детальное рассмотрение деятельности представителей нового поколения профессоров-историков – В. И. Герье, С. В. Ешевского и Н. А. Попова – позволяет исследователю показать особую роль первого из них в складывании системы патронажа талантливых учеников начиная со студенческой скамьи и вплоть до вхождения их в научно-образовательное сообщество в результате достижения научных степеней вследствие защиты кандидатских (или написания медальных сочинений) и магистерских диссертаций. Исследователь справедливо подчеркивает неустойчивый характер сообщества историков, формирующегося в ходе функционирования этой системы. Это обуславливалось тем, что правила, регулирующие взаимоотношения между членами сообщества, не были нормативно закреплены, а представляли собой «габитус» (по терминологии П. Бурдьё). Последний представлял собой син-

тез в их действиях влияния юридически закрепленных норм служебной деятельности с выработанными и существующими в виде обычая этическими правилами поведения. Совершенно справедливо Д. А. Цыганков отмечает центростремительный характер сложившейся системы, замыкающей на лидерах сообщества, которые с помощью своих учеников стремились повысить свой статус в сообществе. Интересным сюжетом при этом может стать замеченное в диссертации, но развернуто не проанализированное явление – отсутствие конкуренции (более того – стремление избежать ее) между профессорами. Следствием этого являлось практическое отсутствие конкурса при замещении профессорских должностей после истечения срока.

При характеристике московской школы историков, ведущую роль в которой Д. А. Цыганков отводит В. О. Ключевскому и П. Г. Виноградову, автор особое внимание уделяет роли коммемораций в ее оформлении. В изучении этого аспекта школообразующих практик он, несомненно, является пионером. Перспективным здесь представляется анализ юбилейных изданий, знаменующих «круглые даты» научно-педагогической деятельности юбиляров, и «мемориальные» стипендии. Наряду с изучением целенаправленного процесса конструирования памяти об основателях школы Д. А. Цыганков детальным образом сравнивает манеры общения с учениками выше названных выдающихся историков. В результате он приходит к выводу о значении лидеров школы, которых исследователь по аналогии с рингеровскими профессорами-«мандаринами» называет профессорами-«дуайенами». Тем самым в отличие от привычного для историографических исследований акцента на теоретико-методологическом влиянии учителя на ученика Д. А. Цыганков раскрывает личностное воздействие, которое в условиях сохранения незыблемого авторитета учителей обеспечивало устойчивость системы, детально реконструированной автором. Но оно могло привести и к конфликту, причем не столько на научной, сколько на личной почве.

Именно этот аспект – внутренние конфликты, их причины и последствия – привлекают наибольшее внимание в третьем томе диссертации. Они

анализируются на основе обширного архивного и опубликованного материала, введенного в научный оборот в последние годы, в том числе и благодаря усилиям диссертанта. При этом Д. А. Цыганков не упускает из виду и экзогенные факторы, обуславливавшие возникновение конфликтных ситуаций. Министерская установка на решение кадрового вопроса в университетах с помощью института приват-доцентуры привела к оформлению этой группы «младших» преподавателей, воспринимающей свое положение как приниженное и неполноправное. Это создавало потенциальную угрозу их конфликтов со «старшими» полноправными преподавателями – профессорами. В условиях историко-филологического факультета Московского университета эта министерская линия налагалась на сформировавшуюся систему признания авторитета «дуайенов» с их очень сложными и разнообразными личными характерами, точно и разносторонне представленными на страницах диссертации. Изменение конфигурации взаимоотношений между лидерами и их состава, усложнение вследствие этого отношений по линии учителя-ученики привели к тому, что внешний импульс в виде «кризиса Л. А. Кассо» мог привести к разрушению системы функционирования и пополнения школы московских историков. Однако Д. А. Цыганков показывает на основе изученных материалов, что пополнения школы извне не произошло. В последней главе диссертации он отмечает попытки нового поколения лидеров школы – у русистов М. М. Богословского и Ю. В. Готье, а у «всеобщников» А. Н. Савина – выстроить единую систему подготовки смены, чему препятствовала специализация историков, которую они пытались преодолеть в совместной деятельности реанимированного Исторического общества.

В заключении диссертант подводит итоги своего исследования, давая емкую и точную характеристику особенностей трех периодов в складывании и функционировании профессионального сообщества историков в Московском университете.

Помимо уже высказанных общих замечаний-предложений следует отметить и некоторые недочеты в диссертации. Прежде всего, к сожалению, в

тексте встречаются опечатки, которые порой затрудняют понимание некоторых предложений или могут восприниматься как фактические ошибки. Например, год защиты докторской диссертации В. О. Ключевским 1882, а не 1872, как напечатано (Т. 2, с. 267). Или указано название «История государства Российского» как работа С. М. Соловьева вместо «Истории России с древнейших времен» (Т. 2, с. 323). В целом, достаточно и обоснованно критичный в отношении историографических оценок или аксиологических особенностей эго-документов, автор иногда не оговаривает специфики оценок, которые он приводит в изложении или в виде цитат чужих утверждений, что может породить впечатление, что он с ними соглашается (своеобразная советская оценка отношения С. Ф. Фортунова к американской истории (Т. 3, с. 17) или самооправдание П. Н. Милюкова в его характеристике взаимоотношений с В. О. Ключевским (Т. 3, с. 64). Отмеченные недостатки, однако, не снижают общего положительного впечатления от рецензируемой диссертации.

Результаты исследования Д. А. Цыганкова апробированы на научных форумах различного вида и уровня представительства, отражены в многочисленных публикациях в периодических изданиях, соответствующих требованиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также в энциклопедиях и в монографиях. Автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию.

Диссертация Д. А. Цыганкова отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения

о диссертационном совете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом, Цыганков Дмитрий Андреевич заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Антощенко Александр Васильевич

Контактные данные:

тел.: +7-814-271-10-01, e-mail: ant@petsu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Адрес места работы: 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, проспект Ленина, д. 33

Тел.: +7-814-271-10-01, e-mail: rectorat@petsu.ru

Подпись Антощенко А. В. заверяю:

Ученый секретарь Ученого совета Петрозаводского государственного университета, кандидат технических наук Людмила Анатольевна Девятникова

7 ноября 2023 г.

